

и ячменя¹ и, наконец, обширных земельных площадей с сидевшим на них сельскохозяйственным населением стали источником возрастающей военной мощи Османского государства.

Для управления покоренными народами турецким султанам нужно было привлечь на свою сторону представителей господствующей феодальной верхушки завоеванных областей. Султанам важно было использовать их знания местных языков и обычаев. Переход на службу к турецким султанам, сопровождавшийся обычно принятием ислама, позволял ренегатам из числа христианской феодальной знати занять привилегированное положение и при новых господах. Такого рода ренегаты появляются на службе у турецких султанов довольно рано. Так, например, уже при Османе в качестве одного из его ближайших сподвижников мы видим некоего Михал-бея. Мюнеджжим-баши пишет: «Между султаном и Кесе Михалом окрепли доверие и дружба, так что они советовались по всем делам, и султан направлял его по важнейшим поручениям»². Несомненно, переход на сторону турецкого султана части феодальной верхушки Византии, а затем Балканских государств также способствовал более быстрому развитию Турецкого государства и укреплению турецкого господства над покоренными народами. Во время захвата турками Галлиполи и первых походов вглубь Балканского полуострова мы видим в качестве одного из ближайших сподвижников султана Мурада некоего Эвренос-бея, также бывшего выходцем из не-турецкой среды³. С течением времени число местных феодалов, переходивших на службу к турецкому султану, значительно возросло. Среди них мы встречаем таких влиятельных лиц, как сына сербского князя Лазаря — Стефана и др.⁴

Турецкие летописцы, которые, будучи представителями знати, как правило, чрезмерно идеализировали османских султанов, дали основание многим буржуазным исследователям создать легенду о «справедливом» отношении турок-завоевателей к покоренным, об их «благородстве», «веротерпимости» и т. д. Современные же кемалистские историки, раздувая именно эту сторону в характеристике турецких завоеваний, пишут, например, в официальной истории «Тарих», что османская система управления будто бы обеспечивала защиту чести, имущества и личности каждого подданного⁵. Кемалистские историки утверждают, что турки «освободили» балканские народы от «феодализма» (1), что они якобы принесли новые, более высокие формы организации государственной жизни и т. д.⁶ Выставляя подобного рода утверждения, турецкие националисты не стесняются извращать исторические факты, когда эти факты свидетельствуют против их фальшивых теорий. Они считают возможным заявлять об «освобождении» балканских народов турецкими завоевателями, в то время как в турецких исторических источниках сообщается о страшных насилиях и безмерных тяготах, которым подвергались жители покоренных областей.

«Когда был завоеван Караджахисар, — читаем мы в летописи, — то побежденный правитель его со всеми чадами и домочадцами и всем имуществом был взят в плен. Текфур (т. е. архонт. — А. Т.) из-за столь славной победы мусульман перешел на службу к султану, а прочее имущество

¹ Коджа Хюсеин, л. 66-6—69-а.

² Мюнеджжим-баши, т. III, стр. 276.

³ Орудж Адиль, стр. 20 и сл.

⁴ Там же, стр. 34.

⁵ Tarih, т. III, стр. 3—4.

⁶ См. напр., Omer Lütüfi Barkan. Osmanlı İmparatorluğunda çiftçi sınıflarının hukukî statüsü. Ülkü, с. IX, N 49, с. 48; N 53, с. 336.